
ТРИ ГОЛОВЫ НИКОЛАЯ ЯДРИНЦЕВА

В ту благодатную пору я менее всего интересовался Николаем Ядринцевым, а занимался поиском подробностей открытия знаменитых коргонских порфиров медиком Петром Ивановичем Шангиным, и мне везло на хорошие встречи. Далеко не первым оказался я на этой тропе. Судьбу П.И. Шангина исследовал до доступной детальности сотрудник краевого музея Николай Александрович Камбалов. Мы беседовали с ним в окружении птиц и кактусов – птицелов уже не работал в музее, но главного своего пристрастия – природы – не забывал также, как не забывал о тех людях, которые и в XVIII веке и в веке XIX были печальниками по судьбе Алтая: будь то Петр Шангин или Николай Ядринцев. О первом Камбалов знал куда как больше и отослал меня к своей книге «Первые исследователи Алтая», а вот о Ядринцеве – увы. Единственное, что он уточнил – памятник Николаю Ядринцеву выполнен колыванскими камнерезами из беловского гранита – массив этот простирается на десятки километров в бассейне реки Большой Белой. Из

того же камня высекались глыбы в начале XIX века для Демидовского столпа в Барнауле.

Из короткого переулка на Горе, где живет Камбалов, я уходил в сумерках. До краевой выставки было недалеко.

Пока я шел по совершенно безлюдным дорожкам выставочных площадок мимо павильонов разнообразных достижений, мимо сумеречного Ядринцева с белыми эполетами из снега на бронзовых плечах, я размышлял о том, что, пытаясь отыскать что-то из прошлого, чаще всего находишь... потери. Не история шангинских «Записок» наводила на такие мысли, а сама изменившаяся, кроме памятника Ядринцеву, Гора. Она в пределах выставки причесана, ухожена, приглажена. Но как дорого для исторических памятников обошлось это приглаживание. В предвоенные годы город расставался с Нагорным кладбищем. Кто был похоронен на нем среди прочих, известно: К.Д. Фролов – изобретатель с мировым именем, новаторы горной и заводской техники XVIII–XIX веков, изобретатели Ф.С. Ваганов, П.М. Залесов, В.С. Чулков, член-корреспондент Российской Академии наук П.И. Шангин, фольклорист, собравший, а значит, сохранивший для нашего времени русские былины и исторические песни С.И. Гуляев.

Не знаю, были или нет у других людей, знаменитых не только на Алтае, скульптурные портреты на могилах, но можно представить, как смотрел бронзовый Ядринцев, сибиряк-публицист, замечая исчезновение надгробий с могил тех, кто жил на Алтае не дремотно-растительно, а деятельно-созидательно...

Говорят, многие памятники были сделаны в Колывани. Но летели без разбора свергнутые с барнаульского Олимпа добротнo отшлифованные каменные плиты. Может быть, Ядринцев и не успел вспомнить, что говорили о бережном отношении к могилам предков древние, не успел он вспомнить и слов А.С. Пушкина о любви к отеческим гробам.

Бывший сотрудник музея Н.А. Камбалов не знал имени реставратора бюста Ядринцева. Мои знакомые старожилы Барнаула тоже не могли ничего сказать, хотя бы наводящее на следы скульптора. Но вот выпал мне случай отправиться на монгольскую границу с заслуженным художником Казахской ССР Борисом Мефодиевичем Астаховым. И куда длилась аэродрема – рейс на Кош-Агач раза три откладывали – выяснилось, что Астахов очень даже много знает о Барнауле. Он вырос в этом городе. И тут я вспомнил о памятнике с надписью: «Сибиряки – писателю-публицисту».

– Может, знаете, – спросил я Астахова, – кто восстанавливал бюст Ядринцева на Горе?

– Знаю. Я с этим человеком некоторое время в драмтеатре работал.

– Кто? Живет в Барнауле?

– Да, живет он в Барнауле. Годочков ему много – под восемьдесят. А фамилия его Черепенников. Работал Сергей Федорович несколько лет в драмтеатре художником-бутафором.

С того времени прошло два года, и вот подошла мне пора читать разные документы о Кольвани, бывать в ней, и там я узнал о художнике Алексее Васильевиче Иевлеве. Иевлев и свел меня с Черепенниковым.

Сергей Федорович достал нетолстую папку и сказал:

– Вот тут мой Ядринцев, – и показал снимок памятника.

Однако выглядел снимок несколько странно. Ухо Ядринцева было обведено синей линией.

– А почему ухо обведено? – недоуменно спросил я.

– Это все, что оставалось от прежнего бюста.

– Всего-навсего ухо?

– Да. Ухо. Оно-то мне и помогло. По этому обломку я улавливал манеру работы скульптора. Без него, даже несмотря на то, что фотографии памятника были, я бы мог исказить первоначальный портрет.

– А как же оно уцелело? Бюст ведь исчез.

– Исчез, да не весь. В 1953 году пришли ко мне сотрудники из зелентреста, он занимался благоустройством города, говорят, в крайко-

ме партии принято решение о реставрации памятника. Ошибка вышла в тридцатые годы. Поторопились снести памятник. Бронзовый бюст Ядринцева попал в гараж Алтайстроя, а бронза в то время, сами понимаете, в цене была. Пошел бюст на вкладыши к подшипникам.

– А ухо?

– Ухо завалилось под верстак. Вспомнили, где бюст лежал, пошли в гараж. Стали искать и при мне нашли ухо...

Я прикинул в уме. Если памятник убрали в 1936 году, а нашли осколок бюста в 1953, то получается, что семнадцать лет вслушивалось

уцелевшее ухо Ядринцева в лызг малой и большой индустриализации, и, наконец, услышало, уловило шаги человека, которому было дано задание отлить новый бюст. Но прежде вылепить его.

– А на Горе сейчас из чего бюст?

– На бронзу тогда я не мог рассчитывать. По смете предполагался бюст из цемента. Но я добился, выделили алюминий. Вылепил модель, отлили по ней бюст, покрасили. Стоит теперь Ядринцев, как бронзовый.

Добавлю, что не все смогли восстановить на могиле знаменитого сибиряка. Исчезнувшую было гранитную крышку саркофага, правда, удалось вернуть с кондитерской фабрики, а вот кованую ограду вокруг памятника заменили чугунным литьем другого рисунка.

...Пора, наконец, сказать несколько слов о последнем пребывании Ядринцева в Барнауле. Он в 1894 году прожил в нашем городе всего несколько дней.

7 июня, будучи в состоянии аффекта, он покончил жизнь самоубийством – принял яд в доме купца Сулина. Самоубийц на общих православных кладбищах хоронить не принято, но для него сделали исключение. За Ядринцевым стояла слава одного из сибирских сепаратистов – приговоренный к ссылке, он был отправлен не поглубже в Сибирь, а на

северо-запад страны – в Шенкурск. Впервые в истории царской России ссылали не в Сибирь, а из Сибири. Кроме того, имели огромный успех его книги «Сибирь как колония» и «Сибирские инородцы».

Ядринцев для сибирского мыслящего слоя всегда стоял рядом с Г.Н. Потаниным. И в память о добрых делах Ядринцева почитатели его таланта в 1904 году поставили на его могиле (Нагорное кладбище) памятник на гранитном пьедестале с надписью «Сибиряки – писателю-публицисту». Бюст из бронзы для памятника был отлит по модели скульптора Сибирякова, а стелу и саркофаг проектировал архитектор Шулев.

Итак. В первоизданном виде памятник Николаю Михайловичу простоял до 1936 года.

Затея по воссозданию памятника была спущена сверху, из крайкома КПСС. Там кто-то прочитал о том, что Владимир Ильич был очень высокого мнения о трудах сибиряка-сепаратиста. Получилось, не чтят в Барнауле любимого вождем публициста. Надо дело поправлять!

Поправили.

Вскорости после 100-летия со дня смерти Ядринцева бюст его исчез с пьедестала второй раз. Не владея навыками металлознания, воры цветмета приняли алюминий за бронзу и выкорчевали голову из плеч.

...Близился какой-то юбилей города, а Ядринцев обезглавлен. Нехорошо, решили в администрации и заказали ему третью

голову. Бетонный бюст выполнила художница Людмила Рублева. Попросили сделать из бетона, чтобы воры не позарились.

Но, на беду, знаменитому сибиряку голову опять покрасили под бронзу.

...Третью голову Н.М. Ядринцева охотники за бронзой отвинтили в июле 2004 года. Ох, отсохнут руки у демонстражников, отсохнут. Но это их беда. А вот беда городская – из чего теперь лепить бюст публициста, чтоб не потянулась вновь к нему рука воровская? А может, бюст просто заминировать?

Да нет, не надо гексогена. Воры металлургические тоже газеты читают и теперь знают – Ядринцев прожил три эпохи: бронзы, алюминия и бетона...

